

Южный рабочий

Соратники

Александра Коллонтай

«Многие дела нашей партии и народа, — говорил Сталин, — будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться. Сила СССР — в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали. Здесь еще большое поле работы.

С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, только на какое-то время. Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом в будущем развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна.

Свое будущее они будут строить на нашем прошлом» (Цит. по статье Р. Косолапова «Какая же она, правда о Сталине?». «Правда». 1998, № 55, 2—4 июня).[1]

Писатели СССР

К. М. Симонов

«...А вот есть такая тема, которая очень важна, — сказал Сталин, — которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, — сказал, Сталин, строя фразы с той особенной, присущей ему интонацией, которую я так отчетливо запомнил, что, по-моему, мог бы буквально ее воспроизвести, — у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Это традиция отсталая, она идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре полезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Посмотрите, как было трудно дышать, как было трудно работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — засранцами, — усмехнулся и снова стал серьезным.

Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше. Теперь нет, теперь они и хвосты задрали. — Сталин остановился, усмехнулся и каким-то неуловимым жестом показал, как задрали хвосты военные. Потом спросил:

— Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдавливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает, — и он снова заговорил о профессоре, о котором уже упоминал. — Вот взять такого человека, не последний человек, — еще раз подчеркнуто повторил Сталин, — а перед каким-то подлецом-иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничужения у многих наших интеллигентов» (С и м о н о в К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1989, с. 124—127).[2]

Дипломаты СССР

А. А. Громыко

«Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу. Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражающих заявлений он не любил. Его тяготило, если кто-либо говорил многословно и было невозможно уловить мысль, понять, чего же человек хочет. В то же время Сталин мог терпимо, более того, снисходительно относиться к людям, которые из-за своего уровня развития испытывали трудности в том, чтобы четко сформулировать мысль.

Глядя на Сталина, когда он высказывал свои мысли, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно выразительными были глаза, он их временами прищуривал. Это делало его взгляд еще острее. Но этот взгляд таил в себе и тысячу загадок.

Сталин имел обыкновение, выступая, скажем, с упреком по адресу того или иного зарубежного деятеля или в полемике с ним, смотреть на него пристально, не отводя глаз в течение какого-то времени. И надо сказать, объект его внимания чувствовал себя в эти минуты неуютно. Шипы этого взгляда пронизывали.

Когда Сталин говорил сидя, он мог слегка менять положение, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, иногда мог легким движением руки подчеркнуть мысль, которую хотел выделить, хотя в целом на жесты был очень скуп. В редких случаях повышал голос. Он вообще говорил тихо, ровно, как бы приглушенно. Впрочем, там, где он беседовал или выступал, всегда стояла абсолютная тишина, сколько бы людей ни присутствовало. Это помогало ему быть самим собой.

Речам Сталина была присуща своеобразная манера. Он брал точностью в формулировании мыслей и, главное, нестандартностью мышления.

Что касается зарубежных деятелей, то следует добавить, что Сталин их не особенно баловал своим вниманием. Уже только поэтому увидеть и услышать Сталина считалось у них крупным событием». [3]

Военачальники СССР

А.Е. Голованов

Мне довелось помогать Главному маршалу авиации А.Е. [Голованову](#) в работе над мемуарами, и [Голованов](#) вспомнил эпизод, когда его пригласили в [Кремль](#) на обед по случаю приезда [Черчилля](#). «За столом было всего несколько человек. [Тосты](#)

следовали один за другим, и я, – вспоминал

[Голованов](#)

, – с беспокойством следил за

[Сталиным](#)

, ведь

[Черчилль](#)

– известный выпивоха, устроил за столом как бы состязание со

[Сталиным](#)

, кто больше примет спиртного».

[Сталин](#) пил на равных и, когда [Черчилля](#) на руках вынесли из-за стола отдыхать, подошел к [Голованову](#) и сказал: «Что ты на меня так смотришь? Не бойся,

[России](#)

я не пропью, а он у меня завтра будет вертеться, как карась на сковородке!» (Ф. Чуев «Сто сорок бесед с Молотовым»)

Маршал Г. К. Жуков

«Близко узнать И. В. Сталина мне пришлось после 1940 года, когда я работал в должности начальника Генштаба, а во время войны — заместителем Верховного Главнокомандующего. О внешности И. В. Сталина писали уже не раз. Невысокого роста и непримечательный с виду, И. В. Сталин производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память даже очень искушенных и значительных людей заставляли во время беседы с И. В. Сталиным внутренне собраться и быть начеку. (...) Русский язык знал отлично и любил употреблять образные литературные сравнения, примеры, метафоры. (...) Писал, как правило, сам от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях. Его поразительная работоспособность, умение быстро схватывать материал позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного фактологического материала, которое было под силу только незаурядному человеку. Трудно сказать, какая черта характера преобладала в нем. Человек разносторонний и талантливый, он не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытым и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, он иногда впадал в раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он буквально менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым и жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар. (...) Работал много, по 12—15 часов в сутки.

Как военного деятеля И. В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошел всю войну. И. В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах... В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим» (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 295—297).[4]

Маршал И. Х. Баграмян

«В тот памятный вечер, оставивший у меня неизгладимое впечатление, И. В. Сталин не раз по ходу доклада и в процессе его обсуждения также разъяснял нам, как наилучшим образом использовать боевые свойства пехоты, танков, авиации в предстоящих летних операциях Красной Армии. (...) Из Кремля я вернулся весь во власти новых впечатлений. Я понял, что во главе наших Вооруженных Сил стоит не только выдающийся политический деятель современности, но также и хорошо подготовленный в вопросах военной теории и практики военачальник.

Во время обсуждения предложений командующих Верховный был немногословен. Он больше слушал, изредка задавал короткие, точно сформулированные вопросы. У него была идеальная память на цифры, фамилии, названия населенных пунктов, меткие выражения. Сталин был предельно собран» (Баграмян И. Х. Так мы шли к победе. М., Воениздат, 1977, с. 59, 61, 300).[5]

Маршал Д. Ф. Устинов

«Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом. Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он многое доверял членам Политбюро, ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений. При всей своей властности, суровости, я бы сказал жесткости, он живо откликался на

проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений... Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках» (Устинов Д. Ф. Во имя победы. М., 1988, с. 90, 92).[6]

Служащие СССР

Алиев Али-Гусейн

О репрессиях

В 1930-м году в Нухинском (ныне Шекинском) районе Азербайджана с населением более 60 тысяч человек произошло восстание сельского населения против советской власти. В городе в течение трех дней власть была в руках бунтовщиков. Многие партийные и беспартийные активисты были расстреляны. Правда, после подавления спровоцированных беспорядков, советская власть тоже в долгу не осталась.

Дальнейшие события я изложу по рассказам свидетеля, с группой коммунистов не сдававшего восставшим здания почтамта города и затем дослужившегося до поста заместителя министра госбезопасности Азербайджанской ССР — Н. Кулиева.

К удивлению Мирджафара Багирова, тогдашнего первого секретаря ЦК КП республики, пока что не особенно верившего в серьезность ситуации и старавшегося не создавать шума вокруг нухинских событий, вдруг утром второго дня восстания ему позвонил И. Сталин. Осведомившись о положении в республике, сельском хозяйстве, о том, как выполняется его указание о бесплатном обеспечении школьников-сирот учебными пособиями, зимней одеждой и питанием (1930-ый год!), в конце диалога с присущим ему ехидством спросил: «Товарищ Багиров, насколько серьезно положение в Нухе? Не нужна ли помощь?». «Нет, товарищ Сталин, ничего особенного, — ответил Багиров, немного растерявшись, — незначительная смута местных неграмотных крестьян, подпавших под влияние турецкой агентуры». «Хорошо было бы Вам выехать туда и осведомиться обо всем лично!» — закончил Сталин.

Багиров собрался в путь и во главе большого отряда солдат отправился в Нуху. И надо же было, при въезде в город, в местечке Кишлак, из-за забора одного из домов раздался выстрел в сторону бравировавшего своей храбростью Багирова. Схватили стрелявшего, которой оказалась женщина в годах. «Этот выстрел — предостережение нам. Отпустите ее!» — приказал Багиров. Члены администрации, чудом успевшие улизнуть из города и потому оставшиеся в живых, описали Багирову жуткие сцены трагедии. Он все более и более теряя самообладание, начал совещаться с командирами, всерьез обсуждая наиболее жесткие меры наказания «строптивого» населения города путем беспощадного артобстрела, «чтобы впредь никому не было повадно». Решили орудия расставить на склоне горы, откуда удобнее обстреливать все кварталы города.

Будучи достаточно неглупым и опытным политиком, Багиров в последний момент решил позвонить в Москву.

Выслушав мотивы о планируемых военных акциях по уничтожению «провинившегося» города, Сталин вдруг завел разговор о погоде в Баку, о жаре, о тяжелых условиях, в частности, для женщин и детей. Заодно спросил, не взял ли Багиров с собой кого-нибудь из своих. Сталину пришлось ждать несколько секунд, пока не прозвучал, наконец, растерянный ответ: «Нет, товарищ Сталин». Тогда Сталин тихим голосом, подчеркивая каждое слово, «по-дружески» сказал: «Я согласен с вашими предложениями, виновных наказывать надо. Но... — сделав на несколько секунд паузу, он продолжил, — Мы, увлекшись важными государственными делами, судьбами чужих семей, часто обращаем мало внимания на свои семьи. Я знаю, что Нуха известна своими целебным климатом, чистым воздухом, природными источниками. Поэтому советую немедленно привезти туда всех членов вашей семьи и, чтобы не обвиняли вас в эгоизме, семьи командиров, поддерживающих ваше намерение. Разместите их в центре города и затем можете обстреливать его из всех имеющихся в вашем распоряжении орудий», — Сталин положил трубку.

Так был спасен и город, и десятки тысяч невинных его жителей, и ваш покорный слуга — тогдашний семилетний мальчуган.[7]

Однажды, гуляя вблизи дачи, откуда открывались ближние и дальние склоны гор, Сталин увидел вдали, среди лесной чащи, небольшое красивое здание. Он, естественно, поинтересовался, мол, что это за строение. Садовник, в свою очередь,

вопросительно посмотрел на начальника по хозяйству, стоявшего на почтительном расстоянии, хотя сам прекрасно знал ответ. Тот подобострастно подбежал и дрожащим голосом отрапортовал, что тот дом принадлежит прорабу, построившему дачу Вождю. Он отдавал себе отчет о возможных последствиях подобной откровенности, но у него не было иного выхода. не мог же он соврать самому Сталину.

Иосиф Виссарионович постоял в задумчивости, с отсутствующим взглядом, помял головку папиросы, набивая табаком свою трубку, потом медленно повернулся к окончательно растерявшемуся хозяйственнику и произнес: «Передайте прорабу мою благодарность. хороший санаторий для детей-инвалидов построил, мне нравится». [8]

Западные «Союзники»

Лорд Бивербрук

Коммунизм при Сталине завоевал аплодисменты и восхищение всех западных наций. Коммунизм при Сталине дал нам примеры патриотизма, равные лучшим в анналах истории. Коммунизм при Сталине вырастил лучших генералов в мире. Гонения на христианство? Это не так. Не существует никаких религиозных преследований. Двери Церкви открыты. Расовые преследования меньшинств? Совершенно нет. Евреи живут, как все. Политические репрессии? Конечно. Но теперь ясно, что те, кто были расстреляны, предали бы Россию её немецким врагам.[9]

У. Черчилль

«Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии и негибкой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском

парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением. Что ж, история, народ таких людей не забывают»[10]

Шарль де Голль (Франция)

«Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него больше, чем поражений.

...Сталин разговаривал там (в Тегеране. — Ред.) как человек, имеющий право требовать отчета. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям. Рузвельт присоединился к нему, чтобы отвергнуть идею Черчилля о широком наступлении западных вооруженных сил через Италию, Югославию и Грецию на Вену, Прагу и Будапешт. С другой стороны, американцы в согласии с Советами отвергли, несмотря на настояния англичан, предложение рассмотреть на конференции политические вопросы, касавшиеся Центральной Европы, и в особенности вопрос о Польше, куда вот-вот должны были вступить русские армии.

Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено...[11]

Збигнев Бжезинский (США)

«В умении оправдывать свои деяния и добиваться их одобрения Сталин равным образом преуспел и за пределами страны. В течение долгого времени многие западные комментаторы были более склонны — лишь отчасти отличаясь друг от друга в терминологии — хвалить его за индустриализацию России, нежели осуждать за террор. Таким образом сталинская эпоха в значительной степени интерпретировалась как эпоха великих социальных перемен, стремительной динамики, перехода от сельскохозяйственной экономики к индустриальной. И в некотором смысле это верно. При Сталине Советский Союз действительно стал великой индустриальной державой. Действительно произошел отток его населения из деревень. Была в полном объеме отстроена централизованная социалистическая система. И при этом у советской экономики был относительно высокий темп роста. Согласно советской официальной статистике национальный доход увеличился вчетверо в годы первых пятилеток, ежегодно давая прирост почти в 15 процентов. Это потребовало перемещения больших масс людей — за тринадцать лет число городских жителей удвоилось. С 1928-го по 1940 годы годовое производство электроэнергии выросло с 5 миллиардов киловатт до 48,3 миллиарда, производство стали — с 4,3 миллиона тонн до 18,3 миллиона; производство станков возросло с 2 тысяч до 58400 в год; автомобилей стали выпускать не 8 тысяч в год, а 145 тысяч. В канун войны промышленность составляла 84,7 процента всей советской экономики. Даже если эти цифры и преувеличены официальной статистикой, то факт, что советская экономика добилась больших успехов, отрицать не приходится» (Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке.)[12]

Чарльз Сноу (Великобритания)

«Не теряя времени, он приступил (в какой-то мере был вынужден к тому, ибо ход подобных процессов неумолим и неизбежен, тут одна из причин, почему его враги оказались столь слабы) к величайшей из всех промышленных революций. «Социализм в одной стране» должен был заработать. России в десятилетия предстояло сделать примерно то же, на что у Англии ушло 200 лет. Это означало: все шло в тяжелую промышленность, примитивного накопления капитала хватало рабочим лишь на чуть большее, чем средства пропитания. Это означало необходимое усилие, никогда ни одной страной не предпринимавшееся. Смертельный рывок! — и все же тут Сталин был совершенно прав. Даже сейчас, в 60-е годы, рядом с техникой, не уступающей самой передовой в мире, различимы следы первобытного мрака, из которого приходилось вырывать страну. Сталинский реализм был жесток и лишен иллюзий. После первых двух лет индустриализации, отвечая на мольбы попридержать движение, выдерживать которое страна больше не в силах, Сталин заявил:

«Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! (Старую Россию)... непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь».

(...) Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» («Завтра», 1994, № 30, 31).[13]

Милован Джилас

«Если отбросить односторонние догматические и романтические увлечения, то я бы и сегодня, как и тогда, высоко оценил качество Красной Армии, и в особенности ее русского ядра.

Хотя советский командный состав, а еще в большей степени солдаты и младшие командиры воспитаны политически односторонне, однако во всех других отношениях у них развивается инициатива, широта культуры и взглядов. Дисциплина — строгая и безоговорочная, но не бессмысленная — подчинена главным целям и задачам. У советских офицеров не только хорошее специальное образование, одновременно они — наиболее талантливая, наиболее смелая часть советской интеллигенции. Хотя им сравнительно хорошо платят, они не замыкаются в закрытую касту; от них не требуют чрезмерного знания марксистской доктрины, они прежде всего должны быть храбрыми и не удаляться от поля боя — командный пункт командира корпуса возле Ясс был всего в трех километрах от немецких передовых линий. Хотя Сталин и провел большие чистки, в особенности среди высшего командного состава, это имело меньше последствий, чем предполагают, так как он одновременно без колебаний возвышал молодых и талантливых людей, — каждый офицер, который был ему верен, знал, что его амбиции будут поняты. Быстрота и решительность, с которой Сталин во время войны производил перемены в высшем командном составе, подтверждают, что он был находчив и предоставлял возможности наиболее талантливым. Он действовал одновременно по двум направлениям: вводил в армии абсолютное подчинение правительству, партии и лично себе и ничего не жалел для усиления ее боеспособности, улучшения уровня жизни ее состава, а также быстро повышал в чинах наиболее способных.

Сталин был холоден и расчетлив не меньше Молотова. Однако у Сталина была страстная натура со множеством лиц, причем каждое из них было настолько убедительно, что казалось, что он никогда не притворяется, а всегда искренне переживает каждую из своих ролей. Именно поэтому он обладал большей пронизательностью и большими возможностями, чем Молотов.

Он без подробных обоснований изложил суть своей панславистской политики:— Если славяне будут объединены и солидарны — никто в будущем пальцем не шевельнет. Пальцем не шевельнет! — повторял он, резко рассекая воздух указательным пальцем.

Кто-то высказал мысль, что немцы не оправятся в течение следующих пятидесяти лет. Но Сталин придерживался другого мнения:— Нет, оправятся они, и очень скоро. Это высокоразвитая промышленная страна с очень квалифицированным и многочисленным рабочим классом и технической интеллигенцией, — лет через двенадцать — пятнадцать они снова будут на ногах. И поэтому нужно единство славян. И вообще, если славяне будут едины — никто пальцем не шевельнет.

Сталин обладал необычайно чутким и настойчивым умом. Помню, что в его присутствии невозможно было сделать какого-либо замечания или намека без того, чтобы он тотчас этого не заметил. И если помнить, какое значение он придавал идеям, — хотя они были для него лишь средством, — то напрашивается вывод, что он видел и несовершенство созданного при нем строя. Этому сегодня есть немало подтверждений, в особенности в произведениях его дочери Светланы. Так, она пишет, как, узнав, что в Куйбышеве создана специальная школа для эвакуированных детей московских партаппаратчиков, он воскликнул: «Ах вы!.. Ах вы, каста проклятая!»

Явление Сталина весьма сложно и касается не только коммунистического движения и тогдашних внешних и внутренних возможностей Советского Союза. Тут поднимаются проблемы отношений идеи и человека, вождя и движения, значения мифов в жизни человека, условий сближения людей и народов. Сталин принадлежит прошлому, а споры по этим и схожим вопросам если начались, то совсем недавно.

Добавлю еще, что Сталин был — насколько я заметил — живой, страстной, порывистой, но и высокоорганизованной и контролирующей себя личностью. Разве, в противном случае, он смог бы управлять таким громадным современным государством и руководить такими страшными и сложными военными действиями?

Тщетно пытаюсь себе представить, какая еще, кроме Сталина, историческая личность при непосредственном знакомстве могла бы оказаться столь непохожей на сотворенный о ней миф. Уже после первых слов, произнесенных Сталиным, собеседник переставал видеть его в привычном ореоле героико-патетической сосредоточенности или гротескного добродушия, что являлось непреложным атрибутом иных массовых фотографий, художественных портретов, да и большинства документальных кинолент. Вместо привычного «лика», выдуманного его собственной пропагандой, вам являлся буднично-деятельный Сталин — нервный, умный, сознающий свою значимость, но скромный в жизни человек... Первый раз Сталин принял меня во время войны, весной 1944 года, после того как облачил себя в маршальскую форму, с которой потом так и не расставался. Его совсем не по-военному живые, безо всякой чопорности манеры тотчас превращали этот милитаристский мундир в обычную, каждодневную одежду. Нечто подобное происходило и с проблемами, которые при нем обсуждались: сложнейшие вопросы Сталин сводил на уровень простых, обыденных...

Он обладал выдающейся памятью: безошибочно ориентировался в характерах литературных персонажей и реальных лиц, начисто позабыв порой их имена, помнил массу обстоятельств, комментируя сильные и слабые стороны отдельных государств и государственных деятелей. Часто цеплялся за мелочи, которые позже почти всегда оказывались важными. В окружающем мире и в его, Сталина, сознании как бы не существовало ничего, что не могло бы стать важным... Зло, мне кажется, он помнил больше, чем добро, потому как, вероятно, внутренне чувствовал, что режим, им создаваемый, способен выжить исключительно в зоне враждебности...

По существу, это был самоучка, но не подобно любому одаренному человеку, а и в смысле реальных знаний. Сталин свободно ориентировался в вопросах истории, классической литературы и, конечно, в текущих событиях. Того, что он скрывает свою необразованность или стыдится ее, заметно не было. Если и случалось, что он не вполне разбирался в сути какого-нибудь разговора, то слушал настороженно, нетерпеливо ожидая, пока тема сменится.

При разговоре со Сталиным изначальное впечатление о нем как о мудрой и отважной личности не только не тускнело, но и, наоборот, углублялось. Эффект усиливала его вечная, пугающая настороженность. Клубок ошетинившихся нервов, он никому не прощал в беседе мало-мальски рискованного намека, даже смена выражения глаз любого из присутствующих не ускользала от его внимания.

Но Сталин — это призрак, который бродит и долго еще будет бродить по свету. От его

наследия отrekliсь все, хотя немало осталось тех, кто черпает оттуда силы. Многие и помимо собственной воли подражают Сталину. Хрущев, порицая его, одновременно им восторгался. Сегодняшние советские вожди не восторгаются, но зато нежатся в лучах его солнца. И у Тито, спустя пятнадцать лет после разрыва со Сталиным, ожило уважительное отношение к его государственной мудрости. А сам я разве не мучаюсь, пытаюсь понять, что же это такое — мое «раздумье» о Сталине? Не вызвано ли и оно живучим его присутствием во мне?» (Д ж и л а с М. Лицо тоталитаризма).[14]

Роже Гароди (Франция)

«...Я думаю, что на фигуру Сталина нужно смотреть в историческом плане. В сущности, тогда была осада: вспомним, что железный занавес выдумали не русские, а Клемансо и Черчилль, которые говорили о необходимости натянуть занавес из железной проволоки и задушить Советский Союз голодом. А когда страна находится в осаде, то это совершенно не ведет к какой-нибудь терпимости. Действительно, в тот исторический период были ужасные отклонения, и я думаю, что с этой точки зрения Сталин был плохим учеником Ленина. В одном из своих последних текстов, опубликованных в «Правде», который можно действительно рассматривать как политическое завещание Ленина, тот писал о том, что пройдет 50—60 лет, прежде чем крестьяне на своем собственном опыте придут к коммунизму. Сталин же захотел сделать это за два года. В результате он уничтожил советское сельское хозяйство, которое и сейчас еще не поднялось. С другой стороны, когда Сталин говорил в 1931 году: «Если мы не будем производить 10 миллионов тонн стали в год, то меньше чем за 10 лет нас раздавят», он был прав. Десять лет, то есть, 1941 год. Если бы он тогда не совершил то невероятное усилие, которое, действительно, с человеческой точки зрения стоило очень дорого, мы бы сейчас жили еще в эпоху Освенцима.

...Очень легко говорить задним числом: нужно было сделать то-то, не хватало того-то. К сожалению, дорога истории, как говорил Ленин, это не Невский проспект. И в определенных исторических условиях сначала нужно делать то, что необходимо, даже если это будет стоить больших человеческих усилий. Я считаю, что с человеческой точки зрения сталинизм стоил нам очень дорого, но надо также сказать и о том, что если Европа свободна сегодня, так это благодаря Сталинграду» («Завтра», № 8 (221), 1998 г).[15]

Враги

Министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп:

«В те тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941-1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердостью этого человека, несгибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. — Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, — историческая личность совершенно огромного масштаба» [16]

[1] <http://nirvana.fm>

[2] там же

[3] там же

[4] там же

[5] там же

[6] там же

[7] <http://stalinism.ru/>

[8] <http://stalinism.ru> «один день со сталиным»

[9] <http://ru.wikipedia.org>

[10] <http://pomnimvse.com>

[11] <http://nirvana.fm/blog/2008/10/165>

[12] там же

[13] там же

[14] там же

[15] там же

[16] <http://pomnimvse.com>